

Педагогический Семинарь

Приложение к газете «Духовный сеятель»

№ 13

По благословию Епископа Архангельского и Холмогорского Тихона
Издание епархиального отдела образования и катехизации Сентябрь 2008 г.

Тема номера:

Реформа языка

Мужество

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Анна Ахматова,
1942 г.

Ирина Корнилова,
кандидат филологических наук (г. Москва)

Изъятие языковых ценностей

Художник О. Варламова.

Ровно 300 лет назад, в 1708 году, началась эпоха наших графико-орфографических потерь. Видоизменив священную азбуку славян — кириллицу, Петр I ввел первый гражданский алфавит, предназначавшийся для светских изданий. В XVIII веке русский язык простился с рядом букв, хранивших память о древних связях Руси

с Византией: в 1710 году устранены Ѡ («омега»), Ѣ («от»), Ѥ («пси»), в 1735 Ѣ («кси») и Ѧ («зело»).

В 1768 году латинизированные буквы получили на европейский лад имена а, бе, ве... (в «Азбуке церковной и гражданской с Краткими примечаниями о правописании» А.А. Барсова); с тех пор традиционные названия аз, буки, веди... вытеснялись из букварей гражданской печати. С какой азбуки начинать обучение родной грамоте — со старой или новой, в разных слоях общества решалось неодинаково, но люди православные в XIX веке все же были обучены и русскому, и церковнославянскому языку...

Ломка традиций в Петровскую эпоху наметилась и в сфере церковных книг; именно этим временем датируются первые идеи и опыты по внедрению гражданской печати в церковнославянские тексты. Так, в 1717 году к наставлению для дворянских детей «Юности честное зеркало» были присоединены (наряду с совместной славянско-русской азбукой) изречения из Священного Писания, набранные новым шрифтом. До 1917 года «гражданка» нередко применялась в молитвословах, календарях и других массовых церковных изданиях, очевидно, из снисхождения к человеческой немощи, к людям, отдалявшимся от Церкви.

Именно эта последняя категория, в том числе и учителя светских школ, еще задолго до революции ратовала за упрощение орфографии и приветствовала новаторские проекты. Люди же книжные, начитанные в церковнославянских текстах во все времена отличались грамотностью. И выдающийся педагог С.А. Рачинский, устроивший в Смоленской губернии сельские школы с основательным изучением церковнославянского языка, мог констатировать, что его воспитанники — «умные мальчики лет 13-15, пишущие без орфографических ошибок, поющие по нотам, восхищающиеся «Одиссеей» Жуковского» (1887).

Буквы Ѡ («ять»), Ѣ («и десятеричное»), Ѥ («ижица»), Ѧ («фита») и их древние названия сохранялись в русской азбуке до самой

революции. Посягательства на букву Ѡ в XVIII веке не было уже потому, что ею обозначался особый гласный звук [ie]; сам Петр I, не друживший с орфографией, употреблял Ѡ правильно — в соответствии с собственным произношением.

Декретом 1918 года буквы Ѡ, Ѣ, Ѥ упразднены как «излишние», дублирующие соответственно е, и, ф. (Об ижице, читавшейся как [и], реформаторы тогда забыли, но исчезла и она).

Реформа русской орфографии во времена, когда вся страна боролась за выживание, была нацелена отнюдь не на помощь неграмотным, школьникам и недоучкам. Искажавший письмо декрет имел целью подавление образованных слоев общества, грамотных людей, закрытие неугодных издательств, репрессии по отношению к несогласным. Нежелание перучиваться свидетельствовало о неблагонадежности человека, и все мужское население России (практически каждый!) было вынуждено осваивать новое написание собственной фамилии — без конечного -х, без Ѡ, Ѣ, Ѥ. Ивановъ, Бѣловъ, Ѧоминыхъ, Петровскій... — все наши деды и прадеды, по сути, сменили фамилии!

В 1928 году ленинградские «органы» изъяли при обыске рукопись «Медитации на тему о старой, традиционной, освященной, исторической русской орфографии, попорченной и искаженной врагомъ Церкви Христовой и народа российскаго, изложенныхъ въ трехъ разсужденіяхъ Дмитріемъ Лихачевымъ февраля 3 дни 1928 г.». Автор Д.С. Лихачев, член научного студенческого кружка, а впоследствии академик, был арестован и сослан на Соловки. Этот первый свой научный доклад, ставший одной из главных улик против него, ученый смог сделать только в 1992 году. Он отмечал, что новое правописание есть шаг назад к фонетической транскрипции, что в угоду быстроте обучения произошла порча орфографии, понижение уровня грамотности, что изъяты самые красивые буквы — небесные знаки, в том числе Ѡ, чрезвычайно полезная для различения

слов и незаменимая при отождествлении общих корней: «Введение новой орфографии равносильно изъятию церковных ценностей. <...> Новая орфография еще больше отдалила русский язык от церковно-славянского, сделав его еще больше трудным и непонятным».

Власти не обошли «заботой» о правописании и отделенную уже от государства Русскую Православную Церковь. Долгие десятилетия типографии, очевидно, вовсе не имели кириллической гарнитуры. К 1919 году церковные издания тоже вынужденно перешли на опростившуюся «гражданку» и вскоре вообще стали редкостью. Надо ли говорить, какой урон понесла клиросная культура, церковнославянская грамотность?

Возрождались издательская деятельность на церковной букве уже на наших глазах после Тысячелетия Крещения Руси (1988)... Ныне церковнославянская грамотность православных людей постепенно восстанавливается, учебников и вообще книг кириллической печати становится все больше. В Отечестве появился интерес и к «царской» орфографии (и как следствие масса ошибок при некачественных попытках применить ее), и здесь для самообразования доступны дореволюционные и репринтные книги, специальные пособия и разделы в интернете.

Освоить дореформенное правописание на уровне чтения при желании смогут все. И было бы справедливо издавать русские книги именно в авторской орфографии, без искажений, которыми чреват перевод на новое письмо. Ведь только различие корней -мир («покой») и -мир («вселенная») делает понятными высказывания о мире и мироздании, а благодаря старым окончаниям сохраняются стихотворные строки...

Потеря буквы ѣ — самая болезненная «орфографическая рана». При безъятевом письме важную роль выполняет буква ѣ и знак ударения, но изобретенная в конце XVIII века ѣ так и не стала обязательной, и на знаке ударения принято экономить. Например, написание *все* или *всѣ*, тогда как по старым правилам различались соответственно *всѣ* и *все*. Насколько затемнен нынешним письмом смысл, судите сами: *хлѣбъ есть* — это и *хлѣбъ ѣсть* (кушать), и *хлѣбъ есть* (имеется); *иду в поле* означа-

ет и место (*въ полѣ*), и направление (*въ поле*); *У богатога мужика все* (вместо *всѣ*) *в долгу*, *у барина все* (то есть *всѣ*) *в долгу*... А возникшее совпадение слов *вѣдѣние* и *ведеііе* привело к терминологическим неудобствам: *архивовѣденіе* и *архивовѣденіе* (разные понятия!) без знака ударения стали вообще немыслимы.

Как отметил Д.С. Лихачев, самым крупным недостатком гражданской графики, созданной указом 1708 года, стала нехватка высоких, выступающих вверх от строки букв, тогда как до Петра I русский шрифт приближался по своему совершенству к греческому. Изъятие в 1918 году литер ѣ, і еще более усугубило положение. «...Новая орфография посягнула на самое православное въ алфавитѣ. <...> ѣ въ ея древнѣйшемъ начертаніи символизируетъ церковъ. Объ этомъ краснорѣчиво говоритъ крестъ наверху. ...Вынесенный надъ строкой крестъ направлень навстрѣчу бѣгущимъ буквамъ... навстрѣчу читающему глазу, благословляя и освящая собой весь рядъ буквъ в строку».

Чрезвычайно важно, что через букву ѣ пишутся именно исконно русские корни и благодаря ее начертанию ятевые корни, суффиксы и окончания вполне запечатлеваются в памяти. Заинтересованные читатели могут обратиться к следующим книгам: **Протоіерей Валентинъ Асмусъ. ѣ. Краткое пособие по старой орфографии русскаго языка.** «Русское Зерцало», 1999; **Кистерова Е.К., Недашковская Н.Д. Всѣ про «ять».** 2004.

Здесь же отметим, что овладение азами дореформенной орфографии вполне реально и на основе церковнославянского чтения, ибо исконные слова в кириллице и в старой «гражданке» буквально практически совпадают (исключения редки). С первых же страниц Молитвослова и Псалтири запомнятся такие написания, как *вѣбра*, *свѣтъѣ*, *дѣло*, *вѣвѣ*, *человѣкѣ*, *грѣхѣ*, *хлѣбѣ*, *пѣснь*, *сѣмя*, *крѣпкій*, *нынѣ*, *вѣдѣти* («знать») и множество родственных слов. Не употреблять ѣ всеу поможет несложное правило: ѣ, в отличие от е, никогда не бывает «беглой» и (кроме нескольких особых случаев) не переходит в русском языке в ѣ. Поэтому пишем через е, например, *день*, *крестъ* (проверочные слова *дни*, *крѣстный*).

Конецъ — дѣлу вѣнецъ.

От редактора

Тысячелетнее наследство

«Язык хранит и бережет все людское познание с древнейших времен до наших дней, делает возможным само существование и развитие человеческой культуры», — писал Л.В. Успенский.

И вопрос орфографии совсем не прост. Нельзя подходить к нему так легко и «рубить сплеча», как это делают некоторые любители всяких реформ в наше исполненное легкомыслия и несерьезного отношения к серьезным вещам время. Для верующих русских людей исконная русская орфография тесно связана со святой верой и Церковью. Ведь те самые буквы: «ять», «і», «ерь», «фита» и «ижица», на которые с такой ненавистью обрушились большевики, что даже по типографиям посылали своих агентов, дабы изъять эти буквы из шрифтов и уничтожить их, достались нам как тысячелетнее наследство наших великих просветителей, родоначальников общеславянской культуры — святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия. Эти буквы не могут не быть дороги нам, ибо они нас связывают со священным, богослужебным церковнославянским языком, со всей нашей святой Церковью и с многовековой русской культурой.

Характерно, что вся русская эмиграция, церковно и национально настроенная, еще долгое время после революции бережно хранила старую орфографию, и этим отличались все ее издания за границей.

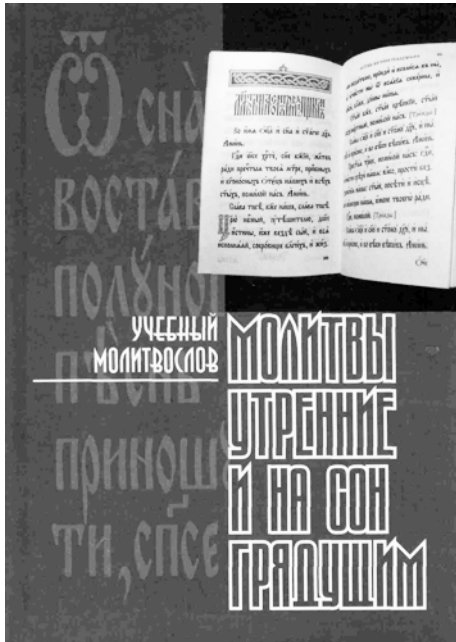
Весьма важно знать и помнить вот еще что. Православная вера и кровное детище ее — «кириллица», как обыкновенно именуется старое правописание, некогда духовно объединяли собою все славянство. Потому-то враги Православия и славянства направили на них главные свои нападки. И они во многом, увы, преуспели.

Сегодня люди, приходящие в Церковь, вначале, как правило, ощущают некоторую стену между своим сознанием и языком богослужебных текстов. Как разрушить эту стену? Хотелось бы посоветовать всем, даже неопытным, осваивать молитвы сразу в церковнославянской графике. Ведь она гораздо более приспособлена к молитвенному строю души, лучше настраивает на него. Это очень скоро ощущает всякий, кто преодолел страх перед «непонятными» буквами и попытался читать их.

Архимандрит Трифон.

Пою Богу моему

ВЗБРА́ННОЙ ВОЕВО́ДѢ ПОВѢ́ДИТЕЛЬНАА

Рекомендуем вам приобрести книгу: «Учебный молитвослов. Молитвы утренние и на сон грядущим», выпущенную Издательским Советом Русской Православной Церкви в 2006 году. Это не просто толковый молитвослов. Эта книга открывает начинающим дорогу к чтению и пониманию именно церковнославянского молитвослова: учит не бояться церковнославянского языка, помогает заметить, понять и запомнить некоторые его основные особенности, формы, выразительные средства, и в результате — полюбить этот дивный язык, несущий нам энергию молитвы. Книга снабжена словарем, который показывает жизнь слова в разных церковнославянских текстах.

Вот как, например, объясняется в ней известный всем нам кондак Богородице:

ВЗБРА́ННОЙ ВОЕВО́ДѢ ПОВѢ́ДИТЕЛЬНАА, Ё́КВ ИЗБА́ВЬШЕСА Ѡ́ЗЛЫ́ХЪ, БЛГО́ДА́РСТВЕННАА ВОСПИСЪ́ЕМЪ ТИ́ РА́ВНІ ТВО́Ю, БЦЕ́, НО Ё́КВ ИМЪ́ЩАА ДЕРЖА́ВЪ НЕПОВѢ́ДИМЪЮ́, Ѡ́ВСА́КНІХЪ НА́СЪ БѢ́ДЪ СВОБО́ДИ, ДА ЗОВЕ́МЪ ТИ́: РА́ДЪЙСЯ, НЕВЕ́КЪСТНАА НЕВЕ́КЪСТНАА.

ВЗБРА́ННОЙ ВОЕВО́ДѢ — непобедимой Воеводе (взбра́нный — непобедимый в бранях, сражениях).

ПОВѢ́ДИТЕЛЬНАА — победное (победную песнь). Ё́КВ ИЗБА́ВЬШЕСА Ѡ́ЗЛЫ́ХЪ — так как избавились (буквально — как избавившиеся) от зла (от бед). БЛГО́ДА́РСТВЕННАА — благодарственное (благодарственную песнь). ВОСПИСЪ́ЕМЪ ТИ́ — воспеваем (буквально — пишем) Тебе. Ё́КВ ИМЪ́ЩАА ДЕРЖА́ВЪ — (Ты), как имеющая силу. НЕВЕ́КЪСТНАА — не вступившая в брак (буквальный перевод греческого слова).

Акафист Пресвятой Богородице, начинающийся этим кондаком, написан в VII веке в Константинополе. Это — первый (и прекраснейший) из акафистов, ставший образцом для всех последующих. Все 12 икосов акафиста заканчиваются многократными перепевами Архангельского приветствия Пресвятой Деве — «радуйся!», заключительное из которых — РА́ДЪЙСЯ, НЕВЕ́КЪСТНО НЕВЕ́КЪСТНАА! Мы величаем небесную чистоту Неискусобрачной Девы, неизреченно родившей Христа Бога нашего, и в Своей чистоте «Честнейшая Херувим» НЕВЕ́КЪСТНО НЕВЕ́КЪСТНАА предстает перед нами как величайшая воительница с силами зла — ВЗБРА́ННАА ВОЕВО́ДА, ИМЪ́ЩАА ДЕРЖА́ВЪ НЕПОВѢ́ДИМЪЮ́.

ВЗБРА́ННОЙ ВОЕВО́ДѢ ПОВѢ́ДИТЕЛЬНАА. Эти слова почти все мы привыкли на слух воспринимать как единое целое, поэтому не чувствуем структуру фразы (достаточно простую): (кому?) ВЗБРА́ННОЙ ВОЕВО́ДѢ (мы) ВОСПИСЪ́ЕМЪ (что?) ПОВѢ́ДИТЕЛЬНАА БЛГО́ДА́РСТВЕННАА, то есть победную благодарственную песнь, (почему?) Ё́КВ ИЗБА́ВЬШЕСА Ѡ́ЗЛЫ́ХЪ — так как избавились от бед.

РА́ДЪЙСЯ, НЕВЕ́КЪСТНО НЕВЕ́КЪСТНАА! Эти три слова, с буквальной точностью переведенные на церковнославянский язык и вошедшие в наше религиозное сознание, по-гречески воспринимаются несколько иначе, чем воспринимаем их мы. χαίρε, νύμφη ἀνύμφευτος.

РА́ДЪЙСЯ и до Рождества Христова, и после него было в греческом языке обычным приветствием — тем же, что наше «здравствуй». Конечно, в приветствии Архангела Гавриила, донесенном до нас Евангелием, смысл приветствия, забываемый в обыденной жизни, обновился и засиял со всею силой; акафист

Пресвятой Богородице (и всякий позднейший вдохновенно сочиненный акафист) весь пронизан этими «радуйся!» и искрится радостью величания, воскрешая дремлющее в обыденном языке значение греческого слова. Но в русском (и древнерусском) языке приветствовали друг друга не словом «радуйся», а словом «здравствуй» (в котором скрыто пожелание здоровья). «Радуйся» остается для нас именно осознанным словом о радости, неповторимым приветствием для Пречистой Девы Марии и святых Божиих.

НЕВЕ́КЪСТНО НЕВЕ́КЪСТНАА — прямой, буквальный перевод двух греческих слов. Церковнославянскому НЕВЕ́КЪСТНАА соответствует греческое слово νύμφη («нимфа»), которое означает не только девушку-невесту, но и новобрачную жену, и молодую женщину. Новый Завет (и греческий перевод Библии) придал этому слову огромную мистическую глубину: Невеста Агнца в Откровении Иоанна Богослова (Откр. 19, 7; 21, 9; 22, 17) не только предназначена Ему, но и состоит с Ним в таинственном браке; это образ и Богоматери, и Церкви (в ней мы узнаем невесту Песни Песней и пророческих книг Писания). А греческое слово ἀνύμφευτος, переведенное славянским словом НЕВЕ́КЪСТНАА — это «отрицательная форма» от первого слова, означающая «не вступившая в брак»; это слово было вполне обычно для греческого языка. Для греческого, но не для славянского! Ведь в славянском невеста — это именно неведомая, непознанная (то есть как раз то, чему соответствует греческое НЕВЕ́КЪСТНАА) девушка, не вступившая в брак, хотя и предназначенная к нему; слово само несет в себе значение чистоты. Внутри славянского языка слово НЕВЕ́КЪСТНАА труднообъяснимо. Оно вносит новый оттенок смысла в выражение акафиста: Чистая Невеста, но — НЕВЕ́КЪСТНАА, не обыкновенная, не сопоставимая ни с какой иной невестой.

Другие славянские эпитеты Богородицы, соответствующие слову НЕВЕ́КЪСТНАА — НЕИСКУСОБРА́ЧНАА, НЕИСКУСОМЪ́ЖНАА.

В помощь учителю

Ирина Корнилаева,
кандидат филологических наук (г. Москва)

Книга на ангельском языке

Азъ буки. Стихи. Книга для чтения на церковнославянском языке для детей среднего и старшего возраста. М.: Институт экспертизы образовательных программ и государственно-конфессиональных отношений, 2008.

Лариса Владимировна Дорофеева, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Сахалинского государственного университета и преподаватель воскресной школы прихода святого Николая города Южно-Сахалинска, принадлежит к редчайшей категории творческих людей, пишущих на церковнославянском языке. Её оригинальные азбучные стихотворения, тематически связанные с современной жизнью, ярко свидетельствуют о том, что язык нашей Церкви — живой.

Церковнославянские стихи Ларисы Дорофеевой получили известность и признание ещё в рукописи. Издание «Азъ буки», безусловно, чудесный подарок друзьям церковнославянского языка всех возрастов. Поэтические тексты сопровождаются необходимыми лексическими и грамматическими комментариями, что позволяет использовать книгу как в школе, так и в семейном чтении. Художественное оформление азбуки выдержано в традициях древнерусской книжности, которым посвящен особый очерк палеографа Марии Кочетовой. Названия стихотворений, наименования букв кириллицы и подписи к рисункам, выполненные в подражание древнейшему на Руси типу письма — уставу, могут стать материалом для начального чтения даже для самых маленьких.

Лариса Дорофеева,
доктор филологических наук (г. Южно-Сахалинск)

Как создавалась «Азъ буки»

Неизвестно, на каком языке ангелы небесные разговаривают между собой. Но лучший язык, на котором наши дети могут обратиться к ангелам, — это церковнославянский, язык нашего православного богослужения. Конечно, Ангел и на русском языке поймёт обращение к нему, но на церковнославянском наши слова будут ему намного приятнее. Ведь именно на этом языке сложены наши молитвы к Богу.

Где же научиться детям этому языку? Конечно, в воскресной школе.

Я преподаю в воскресной школе много лет и давно заметила, что детям по чистоте души их помогают на занятиях ангелы-хранители: и начертания букв азбуки святых Кирилла и Мефодия, и орфографические особенности слов, и грамматические правила словосочетаний дети схватывают, усваивают и запоминают быстрее и лучше взрослых.

Мне захотелось написать для детей книгу стихов на церковнославянском языке — по стишку на каждую букву азбуки святых Кирилла и Мефо-

дия (кириллицы). Бог, конечно, мне помогал, потому что на сочинение всех стихов ушло лишь две недели.

Рукопись была вовремя отвезена на Рождественские чтения 2006 года в Москву и там попала в чудесные редакторские руки Нины Павловны Саблиной, великолепного знатока церковнославянского языка. Петербургская художница Ольга Варламова сделала такие красивые рисунки на каждой странице, что вышла не книга, а просто загляденье. Много хорошего народу (издатели, наборщики, корректоры) участвовало в создании этой книги, и всем им я очень благодарна.

Даже, можно сказать, с того света мне люди помогали. Мне снился Дмитрий Сергеевич Лихачёв, хранитель и исследователь памятников древнерусской литературы (во сне я к нему на лекцию отправилась на тот свет, и он меня просфорой угощал и направлял к молитве). Также снился поэт Михаил Светлов, из чьего творчества мне больше всего нравятся две строки:

Два ангела на двух велосипедах —
Любовь моя и молодость моя.

Он совет мне во сне дал вернуться к увлечению студенческой юности — писанию стихов. Ни того, ни другого лично при жизни я не знала. Думаю, что и других неведомых мне покровителей было у меня немало.

Были, конечно, и противники. Но это уже позади, без этого не бывает.

Мне очень приятно думать, что дети смогут иллюстрировать мои стихи, учить их наизусть и читать на праздниках, а если найдутся музыканты, то и петь.

**Слава
Богу за
всё!**

Наше наследие

Иван Ильин

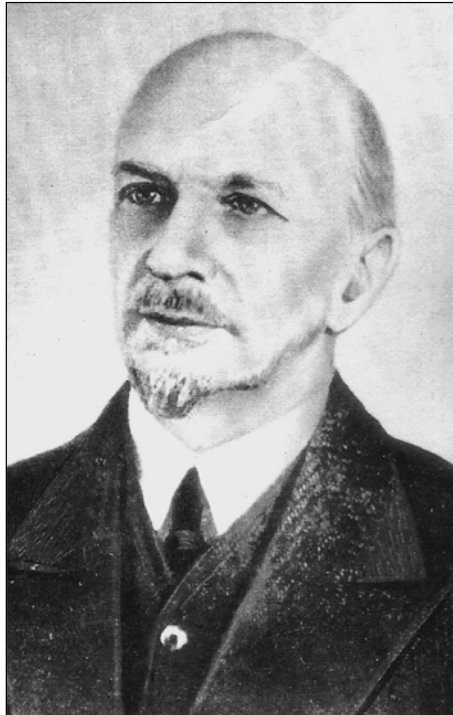
Как же это случилось?

Слово о русском национальном правописании

Если мы попытаемся подвести итог всему тому, что необходимо сказать против «новой орфографии», то мы произнесем ей окончательный приговор: она должна быть просто отменена в будущем и заменена тем правописанием, которое вынашивалось русским народом с эпохи Кирилла и Мефодия. И это будет не «реакцией», а восстановлением здоровья, смысла и художественности языка.

Напрасно нам стали бы указывать на то, будто бы мы защищаем прежнее правописание из политической вражды к большевизму. Эту инсинуацию произнес когда-то господин Айхенвальд в берлинской газете «Руль». Верно как раз обратное. Если бы новую орфографию ввела русская национальная монархическая власть (чего она, конечно, никогда бы не сделала!), то мы стали бы защищать прежнее правописание с той же энергией; а вот защитники новой орфографии, действительно, политиканствуют с нею, придавая ей значение «приятя революции», «закапывания рта» или «спуска на полозьях». С другой стороны, если бы коммунисты вернули прежнее правописание (чего они, конечно, никогда не сделают!), то мы отнюдь не стали бы ни врагами спасенного правописания, ни сторонниками коммунизма. Приписывать нам политизацию всех критериев духовной культуры — есть сразу инсинуация и пошлость. Вопрос же правописания решается не пристрастием и не гневом, а художественным чувством родного языка и ответственной аналитической мыслью.

Мы отлично знаем, что революционное кривописание было введено не большевиками, а временным правительством. Большевики сами привыкли к прежнему правописанию: все эти Курские, Чубари, Осинские, Бухарины продолжали в своих речах «ставить точки» на отмененное «ї» и требовать, чтобы коммунисты всё знали на отмененное «ѣ». Даже Ленин писал и говорил в том смысле, что старое правописание имело основание различать «мір» и «мир» (Изд. 1923 г. т. XVIII, ч. 1, стр. 367). Нет, это дело рук профессора А.А. Мануйлова («министра просвещения») и О.П. Герасимова («товарища министра просвещения»). Помню, как я в 1921 году в упор поставил Мануйлову вопрос, зачем он ввел это уродство; помню, как он, не думая защищать содеянное, беспомощно сослался на настойчивое требование Герасимова. Помню, как я в

Правописание имеет свои исторические, конкретные и в то же время философские и национальные основы. Поэтому оно не подлежит произвольному слову, но лишь осторожному, обоснованному преобразованию, совершенствованию, а не разрушению.

1919 году поставил тот же вопрос Герасимову и как он, сославшись на Академию Наук, разразился такою грубою вспышкой гнева, что я повернулся и ушел из комнаты, не желая спускать моему гостю такие выходки. Лишь позднее узнал я, членом какой международной организации был Герасимов.

Что же касается Академии Наук, то новая орфография была выдумана теми её членами, которые, не чувствуя художественности и смысловой органичности языка, предавались формальной филологии. Эта формализация есть язва всей современной культуры: утратив веру, а с нею и духовную почву, оторвавшись от содержательных корней бытия, современные «деятели» выдвинули формальную живопись, формальную музыку, формальный театр, формальную юриспруденцию, формальную демократию, формальную филологию. И вот, новая орфография есть продукт формальной филологии и формальной демократии, т.е. демагогия. В Акаде-

мии Наук совсем не было общего согласия по вопросу о новой орфографии, а была энергичная группа формалистов, толковавших правописание, как нечто условное, относительное, беспочвенное, механическое, почти произвольное, не связанное ни со смыслом, ни с художественностью, ни даже с историей языка и народа. Знаю случайно, как они собирали подписи под своей выдумкой, нажимали на академика А.А. Шахматова, который, чтобы отвязаться, дал им свою подпись, а потом при большевиках продолжал печатать свое сочинение по старому правописанию. Свидетельствую о том негодовании, с которым относились к этому кривописанию такие ученые знатоки русского языка, как академик Алексей Иванович Соболевский, лекции которого по «Истории русского языка», по словам того же Шахматова, «получили значение последнего слова исторической науки о русском языке — у нас и за границей». Свидетельствую о таком же негодовании всех других московских филологов, из коих знаменитый академик Ф.Е. Корш разразился эпиграммой: «Старине я буду верен, — С детства чтить ее привык: — Обезъичен, обезъерен, — Обезъятен наш язык». Такие ученые, как академик П.Б. Струве не называли «новую» орфографию иначе, как «гносную»...

Для чего же это кривописание выдумывалось, ради чего вводилось? Публично выдвигали два соображения: «новая орфография» проще и для народа легче... Эти аргументы воспроизводились в эмиграции и такими дилетантами-публицистами, как г. Ю. Айхенвальд. На самом же деле эти аргументы совершенно неосновательны.

Вот данные опыта. Один русский ученый славист, член-корреспондент Российской Академии Наук, рассказывал мне в 1922 году о результатах своего пятилетнего преподавания в гимназии. Он предлагал ученикам: кто хочет, учись по старой орфографии, кто хочет — по новой; требовать буду с одинаковой строгостью! И что же? Процент слабых в среднем счете оказался одинаковым. Оказалось, что трудно вообще правило и его применение, независимо от того, что именно предписывает правило. Напрасно стали бы ссылаться на особые затруднения, вызываемые буквою «ѣ». Эти затруднения были уже преодолены на чисто мнемоническом пути. Уже по всей России циркулировала дешевенькая книжка в стихах

и с картинками, где все слова, требующие букву «ѣ», были включены в текст: «Разъ бѣлка бѣса побѣдила — И съ тѣмъ изъ плѣна отпустила, — Чтѣбъ онъ ей отыскаль орѣхъ. — Но дѣло было то въ апрѣль. — Въ лѣсу орѣхи не созрѣли» и т.д. Или еще: «Съ Днѣпра, съ Днѣпра ли нѣкто Глѣбъ, — Жиль въ богадѣльнѣ дѣдъ-калѣка, — Не человекъ, поль-человекъ... — Онъ былъ и глухъ, и нѣмъ, и слѣпъ. — Ъль только рѣпу, хрѣнь и рѣдку»... и т.д. Запомните эти стишки ничего не стоило, и учителю оставалось только пояснять корнесловие и смыслословие...

Один русский ученый говорил мне: «Что они все твердят об облегчении? Пишем мы, образованные, и нам прежде правописание совсем не трудно; а необразованной массе важно читать и понимать написанное; и тут старое правописание, верно различающее смысл, для чтения и понимания гораздо легче! А новое кривописание сеет только бессмыслицу»...

Что же касается «упрощения», то идея эта сразу противонациональная и противокультурная. Упрощение есть угашение сложности, многообразия, дифференцированности. Почему же это есть благо? Правда, угашение искусственной, бессмысленной, беспредметной сложности дает экономию сил: а растрчивать душевно-духовные силы на мертвые ненужности нелепо. Но «сложность» прежнего правописания глубоко обоснована, она выросла естественно, она полна предметного смысла. Упрощать ее можно только от духовной слепоты; это значит демагогически попирает и разрушает русский язык, это вековое культурное достояние России. Это наглядный пример того, когда «проще» и «легче» означает хуже, грубее, примитивнее, неразвитее, бессмысленнее, или попросту — слепое варварство. Пустыня проще леса и города; не опустошить ли нам нашу страну? Мычать коровой гораздо легче добродетели и сквернословие легче красноречия. Безвольному человеку беспринципная уступчивость легче идейной выдержки. Вообще проще не быть, чем быть; не заняться ли нам, русским, повальным самоубийством?

Итак, кривописание не легче и не проще, а бессмысленнее. Оно отменяет правила осмысленной записи и вводит другие правила — бессмысленной записи. Оно начало собою революционную анархию. Во всяком культурном делании дорога идея правила, ибо воспитание есть отучение от произвола и приучение к предметности, к смыслу, к совести, к дисциплине, к закону. Правило не есть нечто неизменное; но изменимо оно только при

достаточном основании. Произвольное же ломание правила — вредно и противоречит всякому воспитанию; оно сеет анархию и развращает; оно подрывает самый процесс регулирования, совершенствования, самую волю к строю, порядку и смыслу. Здесь произвол ломает самое чувство правила, уважение к нему, доверие к нему и желание следовать ему. Введение же бессмысленных правил есть прямой призыв к произволу и анархии.

Вот именно это и учинило новое кривописание. Здоровая часть русской интеллигенции не приняла его и отвергла... Скажем же открыто и точно: никогда еще русские люди не писали так безграмотно, как теперь; ибо в XVII и в XVIII веке искали верного начертания, но еще не нашли его, а теперь отвергли найденное и разнуздали себя орфографически. Тогда еще учились различать «ять» с «естем», и не были уверены; а теперь, ссылаясь на свою малую образованность и на лень, узаконили смысловое всесмещение. Нам, видите ли, некогда и трудно изучать свою русскую, «слишком сложную» орфографию!.. Хорошо, господа легкомысленные лентяи! За это вы будете надирать глаза над изучением и усвоением гораздо более сложных иностранных орфографий — французской, английской и немецкой. Чужие языки возьмут у вас все то время, которого у вас «не хватало» на изучение своего, русско-национального, осмысленного правописания, ибо тут иностранные народы не будут принимать во внимание вашу лень, ваше «некогда» и «трудно». И напрасно кое-кто в эмиграции выдвигает то обстоятельство, что при господстве прежней орфографии были слова со спорным «ѣ» и с неуверенным «ѣ»; не проще ли в виду этого поставить всюду бесспорное «е»? Но ведь есть немало людей с неуверенною мыслию, честностию и нравственностью... Так не проще ли не искать ни смысла, ни верности, ни честности, а водворять прямо бессмыслицу, безчестие и разврат: по крайней мере, все будет определено, ясно, просто и легко... Да, исторически была шатость, но ее успешно и осмысленно преодолевали, до тех пор, пока не решили покончить с культурой языка и провалиться в варварство.

Прав был князь С.Н. Трубецкой, когда писал («Учение о Логосе», стр. 5): «Слово есть не только способ выражения мысли, но и способ мышления, само-объектирование мысли». Прав был и князь С.М. Волконский, когда настаивал на том, что смешение родов, падежей, степеней сравнения и т.д. вызывает к жизни «возвратное зло»: дурное правописание родит дурное мышление. Замечательнейший знаток русского языка В.И. Даль писал в своем «Толковом Словаре»: «Надо... сохранять такое правописа-

ние, которое бы всегда напоминало о роде и племени слова, иначе это будет звук без смысла» (том 1, стр. 9). И именно в этом единственно верном языковом русле движется новейший исследователь русского правописания И.И. Костючик в своем сочинении «Нашествие варваров на русский язык». «Не реформа была проведена, а искажение, коверкание русского языка, и при этом — умышленное», отрыв русского языка от его церковнославянских корней, денационализация русского письма, русской этимологии, фонетики, русского мышления...

И.С. Шмелев передает, что один из членов российской орфографической комиссии сказал: «старо это новое правописание, оно искони гнездились на задних партах, у лентяев и неспособных...». И именно ученые академики поспешили этим безграмотным лентяям на помощь: прервали всенародную творческую борьбу за русский язык, отреклись от её вековых успехов и завоеваний и революционно снизили уровень русской литературы. Этим они попрали и смысловую, и художественную, и органическую природу языка. Ибо строгое соответствие звука и записи выговариваемому смыслу есть дело художественного всенародного искания иррационального (как всякое искусство!) и органического (как сама народная жизнь!).

И вот, в ответ этим рассудочным формалистам и беспочвенникам, мы должны сказать: писанный текст не есть дело произвола; он есть живая риза смысла, точный знак разумеемого, художественное выражение духа. Правописание есть продукт многолетней борьбы народа за свой язык; оно есть сосредоточенный итог его семейности, фонетики, грамматики, символики и аллегоричности — в отношении к предметам и в духовном общении людей. Мудро сказал Апостол Павел, что люди, общающиеся друг с другом вне взаимного разумения, суть друг другу варвары (1 Кор. 14, 11). Не для того русский народ бился над своим языком, чтобы горсточка революционных «академиков» сорвала всю эту работу взаимного духовного разумения.

Правописание имеет свои исторические, конкретные и в то же время философические и национальные основы. Поэтому оно не подлежит произвольному слому, но лишь осторожному, обоснованному преобразованию, совершенствованию, а не разрушению. Пусть же нарушители русской национальной орфографии получат навеки прозвище «друзей безграмотности» или «сподвижников хаоса»; и пусть первым актом русского национального Министра Просвещения будет восстановление русского национального правописания.

Источники

«Несть... аще не отъ Бога»

Неправильно переведенная частица «аще» может перевернуть взаимоотношения государства и Церкви

Недавно вышла в свет книга, которая давно ожидалась — второе издание учебника Т.Л. Мироновой «**Церковнославянский язык**». Первое издание этого учебника, вышедшее в 1997 году, разошлось мгновенно. Ведь по учебнику Т.Л. Мироновой можно освоить церковнославянский язык самостоятельно, что очень важно, потому что, не имея специального образования, этого невозможно сделать ни по какому другому из доступных сегодня учебников. Это самый простой и ясный учебник церковнославянского языка. Предлагаем вашему вниманию интервью **Татьяны Леонидовны Мироновой**, доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Российской государственной библиотеки, данное ею для Христианской газеты Севера России «Вера-Эсцим».

Свой или чужой?

— Татьяна Леонидовна, наши читатели Федор и Мария Логиновы из города Ухты сетуют на трудности в понимании «чужого», церковнославянского, языка. Мы, как смогли, ответили им. При этом я заметил интересную вещь. Судя по фамилиям, авторы письма — удорские коми. А в удорском наречии бытует много церковнославянизмов, которые исчезли из современного русского языка. Например, «корова» по-коми «мцс», и удорчане обращаются к ней вот так, ласково: «мцско». А ведь точно так и русичи говорили в древности: «коровушко». К лошади коми обращаются — «савраско», к Ване и Пете — «Ванё, Петё», к родителям — «папо, мамо» и так далее.

— Да, удивительно! Это звательный падеж церковнославянского языка.

— Получается, что даже для коми, финской народности, церковнославянский не совсем «чужой». Объясняют это тем, что коми были крещены святителем Стефаном Пермским очень давно, в середине XIV века, и богослужебный язык вошел, как говорится, в их плоть и кровь. Но мы-то, славяне, были крещены еще раньше, между тем и у нас раздаются голоса, де, это язык «чужой».

— Эти голоса от лукавого. Какой же чужой? Большинство из нас, используя привычные слова и обороты, даже не догадывается, что говорит по-церковнославянски.

— Можно ли сказать, что церковнославянский — это высокий стиль литературного русского языка?

— Вполне.

— На уроках английского, помню, нам давали переводить подлинные, оригинальные тексты Шекспира, чтобы, как утверждала учительница, постичь всю глубину мирового гения. Ну

фото А. Спирidonовой

и намучались мы! Шекспир, оказывается, писал несколько на другом языке, чем современный английский. Получается, и в других мировых языках есть свои высокие стили?

— Разумеется. Только староанглийский, старофранцузский — это мертвые языки. А церковнославянский — живой, на нем совершаются богослужения, на нем пишутся новые тексты.

В этом смысле церковнославянский уникален. Его можно сравнить только с греческим богослужебным языком, который, надо заметить, еще больше отличается от новогреческого обиходного, чем наш церковнославянский от русского. Это тот самый древнегреческий, на котором было написано Евангелие, и с которого был как бы «слеплен» богослужебный язык для славянских народов.

Если вдуматься, то поражает богатство, каким мы владеем! Ведь всюду виден промысел Божий. Веками греческий язык приготавливался к приятию Божественной Истины — Гомер, Аристотель, Платон оттачивали его остроту и смысл. Вы только представьте, одно лишь слово «любовь» в древнегреческом передается четырьмя разными словами-значениями. И вот приходит Господь и вливает в эту приуготовленную чашу живую воду Благой Вести. Проходят еще века, и в пору расцвета Византии святые Кирилл и Мефодий переносят бесценный дар в новую чашу, уже специально, со смыслом сотворенную для Благой Вести — в церковнославянскую. Святые творили новый богослужебный язык с молитвой, с великим трепетом, боясь что-либо утратить из греческого подлинника. Даже синтаксис частично скопировали, чтобы точнее передать смысл. Никто такого не имеет, кроме нас — русских, болгар, сербов,

черногорцев, македонцев... И что же, мы назовем этот великий дар «чужим»?

Мирь и мера

— Если подходить практически, то богослужение нельзя переводить на современный русский хотя бы потому, что оно требует точного, ясного смысла, а наш обиходный язык все время «двоится», разная муть с его дна поднимается...

— Да вот хотя бы пример со словом «прелесть». Сто лет назад оно означало грех, зло, а сегодня — это высшая степень похвалы.

— С этим ясно. Неизменные истины требуют неизменной формы. Но вот, кроме этой вынужденной консервативности, церковнославянский имеет ли другие преимущества перед современным русским?

— Он и поэтичнее, и в то же время более емкий в передаче смысла. Писатель Владимир Николаевич Крупин так сказал: «То, что сказано на церковнославянском в трех словах, мне на обиходный язык нужно переводить семью словами». Это говорит признанный знаток живого русского языка!

Ну какой тут может быть перевод?! Вот, скажем, псалом 50-й. В нем каждое слово — покаянная свеча к Богу: *помилуй, омый, очисти!* И даже там, где мы не всегда понимаем смысла молитвы, как в псаломских словах: *потерпи Господа и да крепится сердце твое*, — не скажешь лучше и точнее. *Потерпи* — имеет древнее значение *терпели*, близкое родственному *трепетати*. *Потерпи Господа* — это значит «покоряйся Господу с трепетом».

Когда игумен Иннокентий Павлов перевел Символ Веры: «Ожидаю воскресения

мертвых и жизни будущего века», А.Ч. Козаржевский хорошо прокомментировал этот перевод: «Ну вот, прямо сидит в кресле и ожидает!» Сравните с церковнославянским: «Чаю воскресения...» В слове «чаю» сохранено древнее значение — упование на справедливость Божьего Суда. Это древнее значение легко читается в слове «отчаяние» — то есть когда отсутствует всякая надежда на Божью справедливость.

Порой церковнославянский, в точности передавая смысл греческого подлинника, еще более углубляет его. Вот, к примеру, глагол «воскреснути». Существительное «воскресение» — по-гречески «анастасия» — всего лишь «восстание». В церковнославянских же словах «воскресение» и «воскреснути» заключен корень «кресити», имеющий два древнейших смысла: оживать и воспламеняться. Соедините эти два значения в словах Псалмопевца: «Воскресни, Господи» или в великом возгласе: «Христос воскрес», и какая величественная картина предстанет вашим глазам!

Или пример со словом «смирение». В обыденном языке оно несет значение покорности и самоуничижения. А если взглянуть в него через призму церковнославянских текстов и древних славянских родственных корней «мир» и «мера» (равновесие), то окажется, что оно несет в себе иное значение, нежели уничтожительная покорность. *Смиритися* значит примириться с Богом, с ближним, а, следовательно, обрести равновесие, опору в жизни.

Чем больше всматриваешься в церковнославянские тексты, тем больше находишь смысловой глубины. Известно изречение: «Границы моего языка есть границы моего мира». А в церковнославянском мы познаем не столько этот мир, сколько Самого Господа. Вот почему без церковнославянского русскому человеку невозможно православно мыслить.

«Аще не от Бога»

— И все же без переводов, без пересказов на обиходный русский нам не обойтись.

— Разумеется. Но никогда нельзя заглядывать к первоисточнику. Если вы покупаете Евангелие, то лучше выберите такое, где параллельно даны и церковнославянский, и русский. Имея его, вы всегда сможете уточнить какое-либо место.

— Можно прибегнуть и к толковой Библии, там по каждому случаю даны разъяснения.

— Я бы не советовала, там много путаницы. Современная толковая Библия создана в XIX веке Библейским обществом, в котором были сильны масонские влияния. Посмотрите, как там толкуется постулат о том, что «всякая власть от Бога», будто бы данным апостолом Павлом в Послании к римлянам. Если следовать их логике, то и власть антихриста тоже будет от Бога.

— Но в Послании же именно это и говорится: «Всяка душа властем держащим да повинуется...»

— ...И далее следует уточнение, которое по-русски переведено так: «Ибо нет

власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13, 1-2). Отсюда произрастает ложное предписание якобы христианской покорности любым властям — безбожным, богоборческим, неверным, продажным, губящим народы. Но ведь в церковнославянском тексте не так сказано. Вслушайтесь: «Нестъ бо власть аще не от Бога: сущия же власти от Бога учинены суть» (Рим. 13, 1-2). Вот подстрочный перевод: «Нет ибо власти, если не от Бога, подлинны (ср. «сущая правда») же власти от Бога учреждены». А проще сказать: «Не является власть властью, если она не от Бога».

— Возможно, переводчики ориентировались на греческий оригинал?

— Нет, там так же, как и в церковнославянском тексте. Вот что получается! Всего лишь один смысловой оттенок, неправильно переведенный, — и все наоборот. Слава Богу, что наш народ живет и молится все-таки не по русскому, а по церковнославянскому Евангелию, иначе бы ни ига татарского, ни польского не одолели, и не было бы никакой надежды на спасение от сегодняшнего истребления России.

Летний дождь

— Интересно, что серьезные попытки отказа от церковнославянского были предприняты как раз в роковые годы, в самом начале «перестройки». Кажется, нас минуло это лихо. А на Украине до сих пор, на самом высоком уровне, слышатся голоса о переводе богослужения на украинскую мову.

— Не знаю, чего здесь больше — искреннего желания приблизить Церковь к народу или политического интрига. Кто-то, конечно, заинтересован в окончательном разделении славянских народов.

Кроме того, я вижу здесь прямое действие сил зла. Сегодня мы все живем в так называемом информационном обществе, когда весь мир опутан ловчей сетью теле- и радиоэфиров. Об этом времени, кажется, преподобный Нил Мироточивый говорил, что будут у людей в домах в красных углах стоять черные ящики, а на крышах домов будут расти рога. Эти ящики действуют не столько на рассудок, сколько на подсознание человека, то есть действуют внушением. Это целая наука — внушать. Ни для кого не секрет, что во многих странах наперегонки разрабатываются все новые методы нейролингвистического программирования для управления массами в политических и коммерческих целях. И вот что специалисты, занимающиеся этой тематикой, подметили, цитирую: «Молитвы на церковнославянском языке осуществляют контрсуггестию» — т.е. препятствуют внушению. Они исследовали церковнославянские молитвы на предмет «цвета» (у них разработана особая такая палитра) и установили, что «доминирующие признаки их — светлый, нежный, яркий». Факт очевиден — церковнославянский язык освобождает подсознание от программирова-

ния. Он, как летний дождь, омывает человеческую душу.

— Татьяна Леонидовна, что бы вы пожелали тем нашим читателям, кто пока что с трудом понимает церковнославянский?

— Не огорчаться. Если вы только что пришли в церковь, то будьте же детьми. Вы пришли первый раз на службу и не понимаете, о чем поют на клиросе. А почему вы должны понимать? Церковь ведь не библиотека и не кинотеатр, чтобы пришел и сразу все узнал. Нет, это... родной дом. Не нужно суетиться, куда-то спешить. Мы уже пришли, мы уже дома — уже на пути спасения! Спокойно осматривайтесь, вслушивайтесь, вникайте.

Возвращение домой

— А что вы посоветуете тем, кто хочет побыстрее изучить церковнославянский? Однажды я предпринял такой опыт и вскоре бросил из-за сложности учебника. Запомнил оттуда, наверное, одно слово — плюсквам... префект. Даже не выговорить!

— Плюсквамперфект. Есть такая форма в церковнославянском, давно прошедшее время. Да, тут есть великий грех на нас, филологов. Мы пока еще не создали простых и ясных учебников. Хотя на сегодняшний день есть пособие, которое бы вам подошло. Мне неудобно себя рекламировать, но это как раз мой учебник. Этот учебник несложный. Вообще существуют два разных подхода. Есть школа Института русского языка, академической науки, МГУ, выпускницей и аспиранткой которого я была. Она полагает, что церковнославянский нужно преподавать как иностранный язык — с позиций, так сказать, рафинированной научности. То есть там в учебника вкладывается масса терминов, которые тот вскоре, конечно, забудет. А есть другое направление, рассматривающее церковнославянский как часть великого русского языка. Именно его мы в Обществе ревнителей церковнославянского языка придерживаемся. В чем различие?

Грамматические начала церковнославянского мы излагаем сравнительно с понятными русскими примерами, то есть даем возможность понять их «изнутри» великого русского языка. Живыми примерами мы задействуем в ученике не механическую, а живую память — генетическую. Все эти церковнославянские формы в нашем языке уже когда-то были, и русский человек подсознательно их помнит. И он очень легко — если не перегружать его терминами — «включается» в язык. Вспоминает сам, даже не зная откуда.

— То есть, если кратко, вы предлагаете русским людям не изучать церковнославянский, а ВСПОМИНАТЬ его?

— На это направлены наши методики. Ведь оживляя в себе эту генетическую память, мы просто и естественно возвращаемся в полноту исторической и вневременной церковной жизни — возвращаемся в наш Отчий дом.

Беседовал Михаил Сизов.

Мнение специалиста

Игорь Добродомов,
доктор филологических наук, профессор (г. Москва)

Чем грозила и грозит реформа русской орфографии

Не так давно общественность отстояла русский язык от ненужного и вредного реформирования. Важно отметить, что большую роль в этом добром деле сыграла Л.А. Путина, которая взяла на себя трудное дело заботы о русском языке.

Однако в последнее время вновь стали раздаваться голоса с требованием реформы языка.

Расхождение между живой речью и речью прошлых времен, которая в более архаичном облике сохраняется в письменности, естественно. Ведь только «консерватизм» языка может обеспечить преемственность культурного и исторического развития народа. И только у людей недостаточной культуры возникает желание устранить такое расхождение путем внесения изменений в отстоящую от повседневного языка письменную речь. Причастность же к истории и культурному наследию прошлого заставляет людей культурных воздерживаться от подобных опрометчивых желаний.

В 2001 году специалисты по русскому языку и широкая публика из статей заместителя председателя Орфографической комиссии Российской академии наук В. В. Лопатина в журналах «Русский язык в школе» (№ 2, с. 55-60) и «Новый мир» (№ 5), а также публикаций в других периодических изданиях неожиданно узнали, что уже готов проект «Свода правил русского правописания (орфография и пунктуация)», который только и ждет официального утверждения.

Якобы «состоялись обсуждения проекта, получены письменные отзывы. По итогам этих обсуждений с учетом сделанных (кем? где?) замечаний текст Свода доработан и теперь должен быть представлен на официальное (чье?) утверждение» («Русский язык в школе» (№ 2, с. 55).

Прежде любого преобразования орфографического хозяйства русского языка следует это хозяйство тщательно обозреть, проинвентаризировать, чего пока еще не сделано.

Проект предполагавшихся новых орфографических правил был направлен в «светлое будущее», но он создал бы множество неудобств грамотной массе нескольких поколений носителей русского языка.

По своему опыту перехода на новые нормы орфографии в 1956 году могу сказать, что это не так уж и легко. Например, реформа 1956 года, заставшая меня на третьем курсе университета, устраняла слитное написание наречий *по-видимому*, *по-прежнему*, уничтожив исключения из правила. Я в течение более десяти лет не мог забыть старое написание, которое действовало автоматически и исправлялось только после того, как я вспоминал, что писать эти бывшие исключения нужно теперь по общему правилу.

Разработчики отставленного проекта правил правописания должны бы понимать, что стабильная орфография является одной из важных составных частей культуры: «Орфография — одна из важнейших составляющих национальной культуры, и наличие общеобязательного свода правил правописания — один из признаков культурного здоровья общества» (РЯШ, 2001, № 2, с. 60).

К счастью, задуманная «реформа» не прошла. Пока мы отстояли свою грамотность и себя от орфографических сюрпризов. Будем бдительны и в будущем.

(Печатается в сокращении).

События**Праздник в Марфином доме**

25 мая в Марфином доме состоялось празднование Дня славянской письменности и культуры. На праздник собралось 150 человек. Среди них прихожане Свято-Троицкого храма, члены Архангельского общества ревнителей церковнославянского языка, регионального отделения «Всероссийского родительского собрания», сестричества во имя святой царственной мученицы Александры Федоровны, а также участники областного конкурса детского творчества «Славянские буквицы», их учителя и родители.

Открыли вечер ученики воскресной школы Свято-Троицкого храма, которые исполнили гимн «Гей, славяне». Была и презентация общества ревнителей церковнославянского языка, и представление новых книг, и викторина. Выступали известные артисты. В их исполнении прозвучали народные песни, северные былины, а детишки прихода Троицкого храма читали стихи на церковнославянском языке, танцевали, показали инсценировку русской сказки.

Руководитель епархиального отдела образования архимандрит Трифон вручил грамоты и подарки детям и педагогам — победителям конкурса «Славянские буквицы». Конкурсные работы были представлены тут же, на выставке в фойе Марфиного дома.

Вечер, проходивший за чаем и при свечах, закончился розыгрышем благотворительной лотереи, средства от которой пошли на выпуск этого тематического номера «Педагогического семинара».

фото А. Смирдионовой.

Открытый урок церковнославянского языка

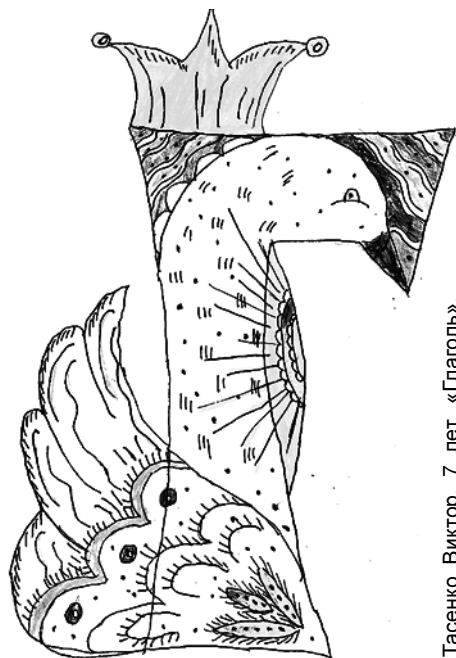
В рамках семинара для учителей предмета «Основы православной культуры», который проходил с 26 по 31 мая в Институте переподготовки и повышения квалификации работников образования в Архангельске, прошел открытый урок церковнославянского языка. Он был проведен в 38-й школе 28 мая. Вела его преподаватель церковнославянского языка Екатерина Владимировна Деарт. Это был заключительный урок в учебном году. Тема его: «День славянской письменности и культуры». На уроке присутствовали более 30 учителей со всей области. Несмотря на большое количество гостей, третьеклассники отнюдь не смущались: отвечали с места и у доски. Повторение пройденного материала проходило в игровой форме.

Соб. инф.

Детское творчество

Завершился второй конкурс «Славянские буквицы»

Второй год в Архангельске проходит областная конкурс детского творчества «Славянские буквицы», организованный Обществом ревнителей церковнославянского языка. Отрадно отметить, что в этом году количество участников увеличилось, а география конкурса значительно расширилась: около 200 ребят от 7 до 15 лет из разных уголков области прислали свои работы, среди которых не только рисунки, но и вышивка, и пропиленная резьба, и комбинированная техника.

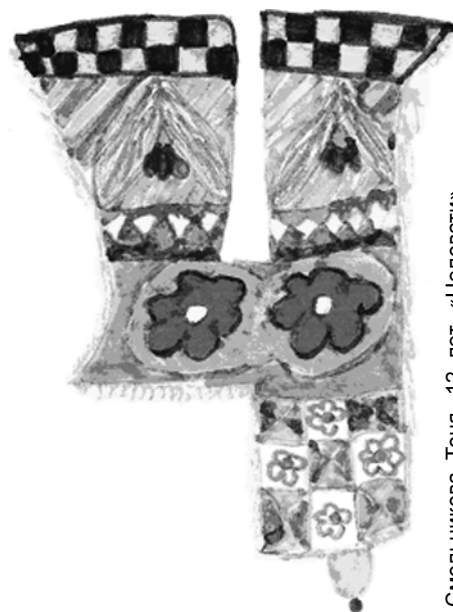

Тасенко Виктор. 7 лет. «Глаголь».

Белоус Сергей. 11 лет. «Земля».

Награждали юных авторов 25 мая в Марфином доме (областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры),

Смольникова Тоня. 12 лет. «Целовати».

Белоус Сергей, Попова Мария, Русанова Мария, Агафопудова Юлия (г. Северодвинск);

Антонов Павел, Назаров Никита, Панфилова София, Панфилова Мария, Буланова Мария, Тасенко Виктор, Неманова Арина, Нилова Юлия, семья Брысиных и коллективная работа пятиклассников Санаторной школы-интерната № 1 (г. Архангельск).

Поздравляем победителей и благодарим всех ребят, их учителей и родителей за участие в конкурсе.

куда они были приглашены вместе с учителями на празднование Дня славянской письменности и культуры. Там же организована выставка конкурсных работ, которую можно будет посетить в течение месяца.

Жюри отметило грамотами 30 работ. С удовольствием представляем вам их авторов:

Карушева Дарина, Детушева Наталья, Насекина Инна (г. Новодвинск);

Антуфьева Анастасия, Анциферова Светлана, Сороко Алёна (п. Луковецкий Холмогорского района);

Келаревы Анна и Елизавета (г. Онега);

Комарова Анна, Водовозов Денис (с. Верхняя Тойма);

Салькина Светлана, Гливак Диана (п. Авнюга Верхнетоемского района);

Чупракова Александра, Смольникова Антонина (п. Тимошино Верхнетоемского района);

Шмакова Наталия (с. Лешуконское); Ермилова Полина (п. Березник Выноградовского района);

Кобылин Павел (с. Красноборск);

Антуфьева Анастасия. 15 лет. «Нашь».

Назаров Никита. 8 лет. «Сказка».

Напоминаем вам, что наш конкурс — ежегодный. Успехов вам!
Жюри конкурса.

Живое и мертвое слово

Константин Георгиевич Паустовский (1892-1968) — великий мастер русского слова. Его проза документальна даже тогда, когда в ней действуют вымышленные герои, но нам почему-то кажется, что мы попали в хорошую добрую сказку. Путешествуя по стране Паустовского, мы обнаруживаем в нем удивительного экскурсовода: мы начинаем вдруг видеть красоту земли там, где не видели ее еще пять минут назад. В другое время мы спокойно прошли бы мимо, не заметив ее, не обратив на нее никакого внимания. И вроде все точно и достоверно. Только добавлено чуть-чуть чего-то неуловимо волшебного, чудесного. Краски, запахи, звуки, ощущения столь выразительны, что мы не можем остаться равнодушными; и яркие, и нежные, и густые, и тонкие — они пленяют нас своей явственностью. И нам вдруг открывается, что эта прекрасная земля призвана быть источником радости для человека.

Еще в юности я вычитал у какого-то древнего мудреца изречение: «От одного слова может померкнуть солнце».

Я тотчас забыл это изречение и никогда не вспоминал о нем. Но однажды случилось незначительное на первый взгляд событие.

Действительно, после этого события мне показалось, что солнце померкло, и скучный сумрак затянул все, что перед этим сверкало вокруг разнообразными красками, светом и теплотой.

Случилось это на Оке, вблизи Рязани, около наплавного моста.

Я перешел по мосту на луговой берег, на пески. От нагретой лозы пахло вялой сладостью. По Оке нехотя проплывало отраженное небо, все в летних белых облаках.

На песчаном пляже сидел человек с сизым затылком, в черном френче и сапогах. Рядом с ним лежал портфель, раздувшийся от бумаг, как откормленный кот.

Посреди реки купались, рыча и поизвивая, два человека.

Неожиданно сидевший на берегу человек сердито закричал:

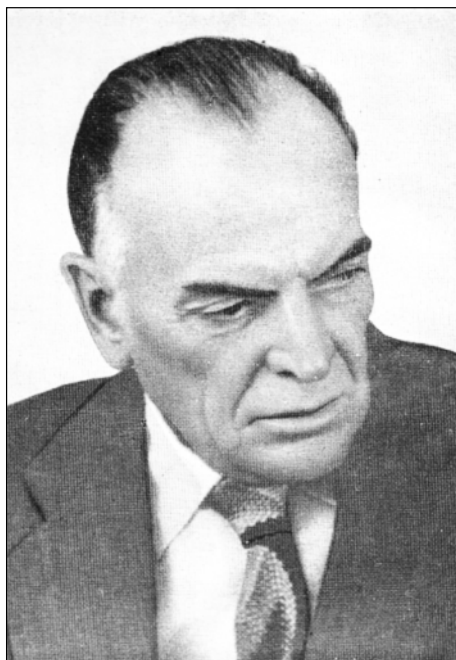
— Эй, товарищи! Закругляйте купаться!

— Мгновенно, товарищ начальник! — бодро крикнул в ответ молодой человек.

— Лимит времени прошу соблюдать! — снова прокричал человек в черном френче.

Солнце в моих глазах померкло от этих слов. Я как-то сразу ослеп и оглох. Я уже не видел блеска воды, воздуха, не слышал запаха клевера, смеха белобрысых мальчишек, удивших рыбу с моста.

Мне стало даже страшно. Что это? — спрашивал я себя. Шутит ли этот чело-

С русским языком можно творить чудеса. Нет ничего такого в жизни и в нашем сознании, чего нельзя было бы передать русским словом. Звучание музыки, спектральный блеск красок, игру света, шум и тень садов, неясность сна, тяжкое гроыхание грозы, детский шёпот и шорох морского гравия. Нет таких звуков, красок, образов и мыслей, для которых не нашлось бы в русском языке точного выражения.

век или говорит всерьез? Если всерьез, то это отвратительно, а если шутит, то это еще отвратительнее.

Я подумал: до какого же холодного безразличия к своей стране, к своему народу, до какого невежества и наплевательского отношения к истории России, к ее настоящему и будущему нужно дойти, чтобы заменить живой и светлый русский язык речевым мусором.

В сотый раз пришла в голову мысль, что мы — нерадивые потомки своих отцов. Для чего Пушкин, Языков, Лермонтов, Герцен, Толстой, Чехов, Лесков, Салтыков-Щедрин создавали величайший в мире по красоте и зримой образности русский язык? Для чего в тысячах деревень этот язык приобретал меткость, силу, задушевность, блеск и певучесть?

Для чего в этом языке существует неизмеримое количество великолепнейших слов, способных передать все богатство духовного мира нашего человека? И не только духовное богатство, но и все богатства природной жизни страны — ее шумов, ее очарований — от соловьиного боя до гула сосновых вершин и от мгновенной зарницы до жгучей росы на траве.

Для чего был вызван к жизни этот волшебный, свободный, крылатый и жи-

вой язык, живой потому, что он всегда выражал живую душу народа? Неужели для того, чтобы свести его к косноязычию, к словарной нищете, к фонетическому безобразию, иными словами — к языку мертвому?

Мне в тот день вообще не везло. В двух километрах от реки на обочине дороги я увидел фанерный щит, рябой от дождя, с лозунгом:

«Доярки! Выполняйте среднефермские обязательства надоя!»

Солнце вторично погасло в тихом и, казалось, обиженном небе.

Удары в тот день сыпались на меня один за другим. Я свернул с большака к безлюдному парому на Старице.

Шалаш перевозчика зарос по крышу анисом и болиголовом. На лавочке около шалаша сидел его угрюмый и косматый хозяин.

Я присел рядом. Перевозчик угостил меня махоркой. Он оторвал кусок газеты и дал его мне скрутить козью ножку. Я посмотрел на обрывок газеты:

«В ночь на 15 июня гражданин Кузин А. И. совершил из ларька райпотребсоюза хищение государственных материальных ценностей на 167 рублей».

И тут же, рядом, я увидел заголовок другой заметки:

«В честь памяти Льва Толстого».

— Чего он украл? — спросил я.

— «Мат-ри-альны-е ценности», — прочел, запинаясь, паромщик. — Надо думать, матерью. Сукно на пальто. Или на полуальто? — повторил он вопросительно. — Разве эту газету поймешь! Районного значения газета.

Чтобы прийти в себя и избежать дальнейших возможных огорчений, я ушел на Старицу и заночевал там на берегу, в старом шалаше под непроглядной сенью ив.

Я лежал на старом сене и почти всю ночь напролет вспоминал стихи разных наших поэтов. Это вернуло мне веру в могущество русского языка, в то, что ничто не сможет убить его, как нельзя убить звезды, воздух, поэзию, великую душу народа.

Там в полях, за синей гущей лога,

В зелени озер,

Пролегла песчаная дорога

До сибирских гор...

Появилось у нас довольно много людей, владеющих двумя языками — языком ведомственным и языком живым.

Они применяют тот или иной язык, смотря по надобности. Шаблонный и неуклюжий язык протоколов и отчетов считается у этих людей как бы эталоном современности — языком, единственно годным для служебной и общественной жизни. Живая и образная речь отодвигается на второе место — в область семьи, личных привязанностей и увлечений, в область всего, что не связано со службой.

В одном из среднерусских сел, где мне пришлось жить, председателем сельсовета был некий Петин — маленький, милый, всегда чем-то взволнованный человек. С величайшим благоговением он относился к наукам, особенно к истории. Много лет он «составлял» (по его словам) историю своего села и вписывал ее в толстую тетрадь.

Я видел эту тетрадь. История села начиналась словами: «От седых волос древности возвышается наше село, как державная крепость, на крутояре Оки, охраняя еще со времен татарских набегов широкие речные пути-дороги к Матушке Москве».

Разговор Петина в обыденной жизни был полон метких слов, сравнений, прибауток, юмора. Но стоило ему подняться на трибуну для очередного доклада и выпить при этом, по примеру больших ораторов, стакан желтоватой кипяченой воды, как он преображался и, держась за несвойственный ему галстук, как за якорь спасения, начинал речь примерно так:

— Что мы имеем на сегодняшний день в смысле дальнейшего развития товарной линии производства молочной продукции и ликвидации ее отставания по плану надоев молока?

И вот умный и веселый человек, вытянувшись и держа руки по швам, нес два часа убийственную околесицу на неизвестном варварском языке. Именно на неизвестном и варварском, потому что назвать этот язык русским мог бы только жесточайший наш враг.

Русский язык принес нам из далеких времен редкий подарок — «Слово о полку Игореве», его степную ширь и горечь, трепет синих зарниц, звоны мечей.

Этот язык украшал сказками и песнями тяжелую долю простого русского человека. Он был гневным и праздничным, ласковым и разящим. Он гремел непоколебимым гневом в речах и книгах наших вольнодумцев, томительно звучал в стихах Пушкина, гудел, как колокол на башне вечевой, у Лермонтова, рисовал огромные полотна русской жизни у Толстого, Герцена, Тургенева, Достоевского, Чехова, был громко подобен в устах Маяковского, прост и строг в раздумьях Горького, колдовскими напевами звенел в строфах Блока.

Нужны, конечно, целые книги, чтобы рассказать о всем великолепии, красоте, неслыханной щедрости нашего действительно волшебного языка — точно, как алмазный резец, и кружащего голову, как вино.

А как звонко и строго слышался его ритм в стихах о самом блистательном городе мира!

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...

Этот город потребовал новых слов для описания своих торжественных пространств и величественного соединения зданий. И они появились, эти слова: «проспекты-перспективы», «туманские линии», «державное течение».

Певучесть и звонкость этого языка доходят порой до предела, до совер-

шенства, тревожа любое, даже самое холодное, сердце:

Печаль ресниц, сияющих и черных,
Алмазы слез, обильных, непокорных,
И вновь огонь небесных глаз,
Счастливых, радостных, смиренных,—
Все помню я... Но нет уж в мире вас...

Богатства русского языка неизмеримы. Они просто ошеломляют. Для всего, что существует в мире, в нашем языке есть точные слова и выражения.

Подобно тому, как каждое слово неотделимо от понятия, которое оно передает, так и русский язык неотделим от духовной сущности русского народа и от его истории.

Среди великолепных качеств нашего языка есть одно совершенно удивительное и малозаметное. Оно состоит в том, что по своему звучанию он настолько разнообразен, что включает в себе звучания почти всех языков мира.

Но за последние годы язык начал быстро портиться, терять образность, силу, начал тускнеть и жухнуть...

Об этом пишут и говорят сотни людей — подлинных патриотов: ученых и писателей, рабочих и учителей. Но пока что сила сопротивления со стороны невежд, людей с холодной, рыбьей кровью очень велика и упорна.

Для успешной борьбы за язык необходимо знать все, что его засоряет и умертвляет, знать все, с чем нужно бороться.

Нужно добиваться полного уничтожения тех нескольких скудных и паразитических языков, которые крепко въелись в жизнь, существуют рядом с подлинным русским языком и пытаются вытеснить его и заменить собой.

Какие же это языки?

Прежде всего, язык бюрократический, казенный. Он враждебен живому языку, как бюрократ враждебен всякому живому делу.

Огромную и печальную роль в распространении этого языка играют газеты (особенно районные), радиопередачи и передачи по телевидению. Этот язык вторгся в школьные учебники, в научные труды, даже в литературу.

Он характерен жалкими потугами на научность («пределный норматив», «пищевоблок», «торговая точка», — очевидно, в скором времени можно ожидать появления новых слов: «торговое двоеточие» или «торговая запятая», — «закаливающий фактор», «санузел» и тому подобное). Кроме того, этот язык напыщен («вручил» вместо «передал», «преподнес» вместо «подарил», «завершил» вместо «окончил», «проживает» вместо «живет», «дворец бракосочетаний» вместо «свадебный дворец»), страдает громоздким построением фраз, путаницей понятий, удивительной скудостью.

В этом ужасающем казенном языке все многообразие русских глаголов, все глагольное богатство языка сводятся, по существу, к двум глаголам — «иметь» и «являться». Глагол «иметь» получил свое пышное распространение в связи с засилием плохих переводов с немецкого языка.

И вот начинается жвачка: «Имеются ли у вас учебники?», «Имеются опреде-

ленные недостатки», «Что мы имеем в области животноводства в Исландии?», «Имеется ли в совхозе база на зимне-стойловый период?»

Но бюрократический язык не одинок. Его поддерживает и подкрепляет обыватель. Он тоже создал (главным образом, заимствовал от прошлых поколений) свой язык — язык пошляков.

Что скрывать, пошлости еще много — пошлых идей, вкусов, песенок, поступков, пошлой морали и пошлого мировоззрения. Язык пошляков — плоский, бесцветный, хихикающий...

Существование этих двух языков, вернее, жаргонов рядом с животворным и полным разума русским языком — чудовищная нелепость (или, как сказал бы чиновник, «является нелепостью»).

В небольшой статье невозможно сказать обо всем, что связано с борьбой за чистоту и ясность языка. Можно наметить только некоторые меры.

Дурной язык — следствие невежества, потери чувства родной страны, отсутствия вкуса к жизни. Поэтому борьба за язык должна начинаться со всеобщей борьбы за подлинное повышение культуры, за власть разума, за истинное разностороннее образование.

Широко известно, что в школах русский язык преподается большей частью скучно, равнодушно, а иной раз и без достаточного его знания самими преподавателями.

Нужно все это резко изменить. Нужно пересмотреть ряды авторов всех учебников и допускать к этому важнейшему делу только людей живых, знающих язык и умеющих писать точно, увлекательно.

Каждый доклад, независимо от темы, должен быть живым, живописным, а не набором шаблонных фраз и цифр.

Особенно резко и немедленно надо улучшить язык наших газет. Это — дело чести всех советских журналистов. И язык книг. Потому что язва сухого и тощего языка начинает уже постепенно проникать даже в литературу.

Необходимо издавать журнал «Русский язык» — боевой и высококвалифицированный.

Кеvidно, эта гигантская работа должна быть объединена в каком-то полномочном комитете из представителей всех организаций, связанных с работой над языком.

Русский язык, по существу, дан не одному, а многим народам, и было бы настоящим преступлением перед потомками, человечеством, перед культурой позволить кому бы то ни было исказить его и калечить.

Я верю вместе с миллионами советских людей, что начнется широкое народное движение за его чистоту, свежесть, выразительность, за умножение языковых богатств в соответствии с эпохой, наконец, за полное соответствие языка мышлению и характеру народа.

Наш язык — наш меч, наш свет, наша любовь, наша гордость! Глубоко прав Тургенев, сказавший, что такой великий язык мог быть дан только великому народу.

30 декабря 1960 г.

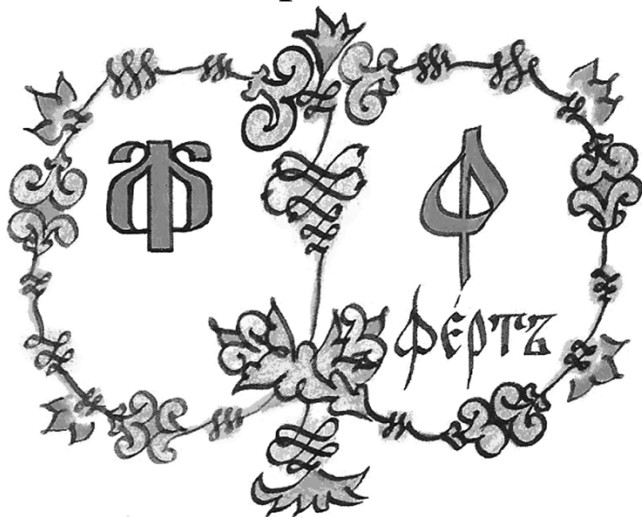
Педагогическая копилка

Татьяна Галилюк,

преподаватель воскресной школы Троицкого храма (г. Архангельск)

ФЕРТ и ФИТА

Урок для детей и взрослых всех возрастов

Если мы раскроем томик стихов А.С. Пушкина на известном стихотворении «Сквозь волнистые туманы...», возьмем листок бумаги и карандаш и подсчитаем, сколько в четырех первых его четверостишиях содержится разных букв: сколько «а», сколько «б» и т.д., то увидим следующее.

Буква «и» в этих 16 строчках появляется 9 раз, «к» — 7 раз, «в» — 7. Другие буквы — по-разному. Буквы «ф» нет ни одной.

Возьмем более объемистое произведение того же поэта — «Песнь о вещем Олеге». Проведем и здесь такой же подсчет.

В «Песне» около 70 букв «п», 80 с чем-то «к», более сотни «в»... Букву «ф» вы и тут не встретите, сколько бы ни искали.

Перелистайте «Полтаву», и ваше удивление еще возрастет. В этой великолепной поэме примерно 30000 букв. Но ни в первой, ни в третьей, ни в пятой тысяче вы не найдете буквы «ф». Только прочитав четыре-пять страниц из пятнадцати, вы наткнетесь на нее впервые в слове *цифр* в современном значении «шифр». Дочитав «Полтаву» до конца, вы встретите «ф» еще два раза в одном и том же слове: *анафема*.

Таким образом, среди 30000 букв «Полтавы» мы нашли только три «ф». Что же, Пушкин питал явное отвращение к одной из букв русского алфавита, ни в чем не повинной букве «ф»? А может быть, это случайность? Или Пушкин нарочно подбирал слова без «ф»?

Безусловно, это не так. Изучите стихи любого другого нашего поэта-классика, — результат будет тот же

самый. Буквы «ф» нет ни в стихотворении Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива», ни в басне Крылова «Ворона и лисица».

Так в чем же дело?

Обратите внимание на слова, в которых мы нашли букву «ф» в «Полтаве». Оба они не русские по своему происхождению. А вот это очень любопытный для нас факт.

В пушкинской «Сказке о царе Салтане» буква «ф», как и в «Полтаве», встречается всего три раза, и все три раза в одном и том же слове *флот*. И это слово нерусское; оно международного хождения: и по-испански, и по-английски, и по-немецки, и по-французски — флот, он и есть флот. Все языки воспользовались одним и тем же древнеримским корнем.

Обнаруживается вещь неожиданная: каждое слово русского языка, в котором пишется буква «ф», на поверку оказывается словом не исконно русским, а пришедшим к нам из других языков.

Просмотрев любой хороший словарь русского языка, вы отыщете в нем буквально десяток-другой таких слов с «ф», которые встречаются только в русской речи.

Да и то, что это за слова! «Фыркнуть», «фукнуть» — явно звукоподражательные образования или же искусственные, «выдуманные» словечки вроде «фуфлыга», «фигли-мигли»... Такого рода «слова» можно изобрести на любой звук, какого даже и в языке нет: «дзекнуть», «кхэкнуть»...

Вот теперь все понятно.

Великие русские писатели и поэты писали на чистом, подлинно народ-

ном русском языке. В обильном и богатом его словаре слова, пришедшие издалека, заимствованные, всегда занимали второстепенное место.

Вы читаете «Бориса Годунова», бессмертную драму Пушкина. Смотрите: в тех ее сценах, где изображена жизнь русского народа, слов с буквой «ф» почти нет. Но вот мы в Польше или на литовской границе. Вокруг иностранцы с их нерусской речью. И лукавая буква-иноземка тут как тут. На страничке, где действуют эти наемные вояки, она встречается семь раз подряд! Разве это не говорит о том, с каким удивительным искусством и вниманием выбирал великий поэт нужные для него слова?

Итак, как мы видим, буква «ф» — редкая гостья у нас. И вот почему.

Своих слов с «ф» у славян не было, т.к. этот звук отсутствовал в древности, а во многих славянских языках и говорах его нет и до сих пор. Рождественский, или Филиппов, пост белорусы, например, зовут *пиліпоука*, а украинцы — *пыліпівка*.

Когда в славянский алфавит были введены две сестры — гречанки-иностранки, которые у себя на родине назывались *фи* (φ) и *тета*, или *тхета*, (θ), а у нас стали *ферт* (φ) и *фита* (θ), то наши предки сначала долго обходили их стороной, меняли их на другие: апостола Филиппа называли «Хвилип», апостола Матфея — «Матвей», а фартук у них был «хвартук».

Догадайтесь, как русские называли Иосифа? (Осип). А Евстафия? (Остап). А как произносили слово «профору»? (просвора). (Оно имеет

много вариантов в народном языке: просвира, проскура и др.).

Все знают слово *ахиня* в значении «сумбурная речь, бессмыслица». Слово это пришло из речи семинаристов и связано с названием одного города, где процветала некогда языческая премудрость и философия. Что это за город? (Афины). Так закрепилось выражение «нести ахиню», т.е. нелепицу, глупость. В одном из Акафистов Пресвятая Богородица воспевается так: «Радуйся, афинеяская плетения растерзающая» (т.е. разрывающая).

Но если звук [ф] был чужд славянам, то зачем же, спросите вы, были введены в славянскую азбуку даже целых две буквы, которые сегодня передаются одним звуком [ф]? У греков их существование имело смысл: каждая из них означала свой особый звук. Буква *фи* выражала звук [ph] (пх), а *тэта*, или *тхета*, — звук [th] (тх). Поэтому греки их одну с другой не путали. Слово *Филипп* писалось у них через *фи*, зато *Феодор* — через *тету*.

И составителям славянской азбуки показалось очень важным точно передать написание греческих имен или отдельных слов. Поэтому они и не решились отказаться ни от той, ни от другой буквы.

Когда в 1918 г. репрессировали букву **Ѡ**, убрали ее из русской азбуки, народ заметил в связи с новой революционной орфографией: «Фиту убрали — и церкви рушить стали». Фита — символ, знак Божественного. В языке материнской, греческой Церкви слово *Бог* начинается с *теты*: Θεός — Фэо́с.

Ѡ — символ Церкви Божией. На иконах Богоматери видим священное сокращение (титло) по-гречески: ΜΡ ΘΥ, читается [Митир Фэу], что по-славянски *мѣти бѣѡѡ*, Мать Божия.

Вот так все неслучайно и сокровенно в славянской азбуке, все буквы в ней велики и нужны во славу Божию.

Во многих европейских языках греческая *тета* передается через звук [т]. Сейчас мы посмотрим, сможете ли вы по некоторым западным именам опознать наши, славянские.

1. Как звали бы Теодора Драйзера, если бы он родился в России? (Феодор).

2. А Тодора Живкова? (Федор).

3. А Тома Сойера? (Фома).

4. А кем у нас была бы Марта? (Марфой).

5. Доротей? (Дорофея).

6. Агата? (Агафия).

7. Тэд, или Тэдди? (Или Тадеуш?). (Фаддей).

8. Бартоломео? (Если вспомнить, что на Западе Барбара — а у нас Варвара, там Бабилон — у нас Вавилон). (Варфоломей).

9. А шампунь Тимотей? (Тимофей).

10. Святой Кирилл, создатель славянской азбуки, некоторое время был *κῆκλῆο, δῆκλῆρῆϊ*, т.е. кем он был? (Вспомним опять западную традицию). (Библиотекарем).

11. Православная Церковь — соборная. Это одно из четырех существенных свойств нашей Церкви: мы веруем во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь. А Римская церковь, отсекаясь от Вселенской собором 1054 года с искажением Символа веры и другими нарушениями святоотеческих догматов, отвергаясь церковного Предания, несправедливо присвоила себе имя соборной — католическая. Как по-гречески будет слово *соборная*? (Католическая).

12. Наше русское слово *православная* по-гречески «ортодоксальная» (Orthodox — так называют Православную Церковь на Западе). Дословно — правильно славящая Бога. А какое слово с этим же греческим корнем означает «правильное написание»? (Орфография).

13. *Танатос* по-гречески «смерть». Какое имя означает «бессмертный» с противопоставлением — приставкой а-? (Афанасий).

14. На Западе Тея, а у нас? (Фея).

15. Греческое слово *теофания* переводится на русский язык — «богоявление». Какое имя образовано от него? (Феофан).

16. Рифма произошла от чего? (От ритма).

17. А алгорифмическая линейка? (От алгоритма).

18. Греческое имя *Методий* переводится на русский язык — «упорядоченный». Какое современное русское слово, пришедшее к нам из греческого языка по западному образцу, происходит от этого слова? (Методика).

19. Если по-гречески слово *Бог* — *Фэос*, а *учение* — *логос*, то тогда как называется учение о Боге? (Теология). Дословно — богословие.

20. Греческое слово *анафема*, т.е. отлучение от Церкви непокаявшихся грешников, переводится на русский язык «рассечение», «расчленение». В русском языке есть еще одно слово, образованное от этого греческого. Какое? (Подсказки: 1. наука; 2. изучается в школе; 3. наука о человеке). (Анатомия).

21. А теперь самое сложное задание. Прочитайте по-церковнославянски следующие слова и переложите их на современный русский язык:

ἀμετῆς (аметист),

πανθῆρα (пантера),

ἀποθήκη (аптека).

Ну как, у вас еще от фиты не подвело животы? Зато теперь, когда вы будете читать А.С. Пушкина и встретите у него слово *феатр*, то будете

знать, что это не что иное как что? (Театр). А *афеизм*? (Атеизм). Упаси вас, Боже, от этой заразы!

Итак, буква «ф» постепенно укрепилась в русском языке и сегодня она выполняет особую функцию — она является переводчицей с иностранных языков. Ведь надо же как-то переводить с английского или немецкого букву «f». И теперь мы без нее своей речи не представляем, потому что давно у нас появились уже не через священные книги, а пришли в русский язык из цивилизованной Европы пришлые «дяди» на «ф». Сами по себе слова, может быть, и неплохие, но несут они в первую очередь не дух, а материю. Так поселились у нас и все прибывают все новые фанты и франты, фонды и фасоны, футляры и фургоны, факсы и фитнесы, — и все ходят фертом: руки в боки, глаза в потолок. А русских слов с «ф» нет и по сей день — только *фукнуть* да *фыркнуть*.

А в заключение я хочу прочитать вам стихотворение одного замечательного человека — доктора филологических наук, доцента кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Сахалинского государственного университета Ларисы Владимировны Дорофеевой, фамилия которой, кстати, тоже пишется через *фиту*. Стихотворение называется «Ферт и фита». Оно не простое, а на церковнославянском языке.

Егда праздник на Руси,
Руки в боки пляшут вси,
Пляшут фертом и фи́тою,
Тучною бочкою налитою.
Въ вертоградѣхъ гряди и въ вертѣхъ:
Кийждо фини́зъ гякво фертѣхъ.
Во браздахъ же дыня ста,
Гякво добраа дичѣа.
Всякъ фиалъ въ чертозѣ самъ
Источаетъ дѣмѣамъ.
Изъ фиаловъ вси пиятъ
И възыгравше вопиютъ.

Егда праздник на Руси,
Руки в боки пляшут вси,
Пляшут фертом и фи́тою,
Тучною бочкою налитою.
В вертоград гряди и в верт:
Кийждо фини́зъ яко ферт.
Во браздах же дыня ста,
Яко добрая фита.
Всяк фиал в чертозе сам
Источает фини́ам.
Из фиалов вси пият
И възыгравше вопиют.

Победителя нашей викторины ждет приз. Но получит он его только после того, как изобразит из себя буквы *ферт* и *фита*.

Использованная литература:

1. Успенский Л.В. Самая удивительная буква русской азбуки.
2. Саблина Н.П. Буквица славянская.
3. Дорофеева Л.В. Аз буки.

Кроссворд

Анна Спиридонова,
преподаватель воскресной школы Троицкого храма (г. Архангельск)

Азбука

Чтобы разгадать этот кроссворд, нужно вспомнить имена всех букв церковнославянской азбуки. Всего их сорок.

Впишите имя буквы под той цифрой, которая указана рядом. Черные — по горизонтали, белые — по вертикали.

По горизонтали:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39

По вертикали:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39

10 — одна из двух древних славянских азбук

30 — азбука, которой мы пользуемся сегодня

А теперь ответьте на вопросы:

1. Какие буквы русской азбуки были упразднены в результате реформ XVIII века?
2. Какие буквы были отменены реформой 1918 года?

3. Какая буква была ограничена в правах? Как она стала называться?

1. ки, пси, зело, омега, от
2. ярь, твѣрдиць, якъ
3. ер, твѣрдиць, якъ

Ответы:

«Всякий народ своеобразно отличился, каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражении его часть собственного своего характера. Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умнохудощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово».

Н.В. Гоголь.

Просим не использовать нашу газету в хозяйственных целях.

Педагогический семинарь

Приложение к газете «Духовный сеятель»

Главный редактор: архим. Трифон (Плотников).
Отв. за выпуск: Т.И. Галилюк. Корректор: А.Ю. Спиридонова.
Адрес редакции: 163061, г. Архангельск, ул. Садовая, 5, оф. 3.
Подворье Сийского монастыря. Верстка: иерод. Феофил (Волик).
Учредитель: Свято-Троицкий Антониево-Сийский мужской монастырь.
E-mail: siya@atnet.ru
Газета зарегистрирована в СЗРУ ГК РФ по печати (г. Санкт-Петербург).
Регистрационный номер 022636 от 10.08.2001.
Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».
Подписано в печать 24.09.2008 в 15.00. Заказ №8915. Тираж 5000.